

© Г. Н. БОЕВА

*Невский институт языка и культуры
g_boeva@rambler.ru*

УДК 82.2

**ДРАМАТУРГИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ Л. АНДРЕЕВА
И С. ПШИБЫШЕВСКОГО: РЕЦЕПТИВНЫЙ АСПЕКТ**

**DRAMATURGIC INNOVATIONS
IN THE WORKS OF L. ANDREEV
AND S. PRZYBYSZEWSKI: THE RECEPTION ASPECT**

Статья посвящена осмыслению близости новаторских драматургических опытов Л. Андреева и С. Пшибышевского.

Восприятие в России начала XX в. Андреева как «двойника» Пшибышевского автор объясняет поиском прецедентности в новациях русского писателя в европейском искусстве, знаковой фигурой которого был польский декадент, являвшийся в то же время и частью российского культурного пространства. Основанием для сближения двух имен в критике служили близость мировоззренческих и эстетических установок, отразившаяся в художественной практике писателей, своеобразии их положения в современном литературном процессе — пограничное среди разных направлений. Кроме того, родственность двух писателей в читательском сознании в большей степени формировалась благодаря культуртрежерским усилиям двух авторитетных печатных органов символизма — журналов «Весы» и «Золотое руно», видевших свою миссию в сближении западноевропейского и русского искусства.

В статье представлен и эмпирический план рецепции андреевских пьес как навеянных опытами польского декадента, и сопоставление теоретических установок двух драматургов: программного эссе Пшибышевского «О драме и сцене» (1902, на русском — 1904) и двух «Писем о театре» Андреева (1913-1914). Автор показывает, что, призывая к отказу от зрелищности на сцене и новому психологизму, Андреев, вслед за Пшибышевским, выстраивает свои положения на ключевом для европейского модернизма концепте «душа» («психе»).

Завершается статья мыслями автора о включенности обоих писателей в европейский модернистский дискурс и о сходстве посмертных литературных

репутаций двух писателей, повлиявших и на восприятие их драматургического наследия.

This article explores the similarity of Andreev's and Przybyszewski's innovative dramaturgic experiments. The author of the article suggests that the perception of Andreev as Przybyszewski's «double» in the turn-of-20th-century Russia may be explained by a search for precedents in European art for the Russian writer's innovations. The Polish decadent was an important figure in European art and, at the same time, a part of the Russian cultural space. Critics based their comparisons of the two authors on the similarity of their philosophical and aesthetical premises reflected in the writers' works, as well as on the peculiarity of their position in the contemporary literary process – being on the borderline of different trends. Besides, the closeness of the two writers was, to a great degree, formed in the readers' consciousness thanks to the Kulturträger efforts of two influential Symbolist publications – the journals «Scales» and «The Golden Fleece», which saw their mission in merging Western European and Russian art.

The article presents both the empirical aspect of the reception of Andreev's plays as inspired by experiments of the Polish decadent and the comparison between theoretical premises of the two playwrights — Przybyszewski's programmatic essay «On Drama and the Stage» (1902, in Russian 1904) and Andreev's two «Letters on the Theatre» (1913-14). The article's author demonstrates that calling for the rejection of using theatre as entertainment as well as for the new psychologism, Andreev, following Przybyszewski, constructs his premises on the concept of soul («psyche») — the key concept for European modernism.

At the end of the article the author suggests that both authors were included in the European modernist discourse and notes the similarity of the two writers' posthumous literary reputations, which have also affected the reception of their dramatic heritage.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Леонид Андреев, Станислав Пшибышевский, театр, драматургия, новаторство, рецензия, символизм, критика.

KEY WORDS. Leonid Andreev, Stanislaw Przybyszewski, theater, dramaturgy, innovation, reception, symbolism, criticism.

Сравнение Андреева (1871-1919) с Пшибышевским (1868-1927) в начале XX в. — в самых различных модусах и контекстах — было общим местом российского критического дискурса [1]. Основанием для сближения двух имен служили и явственно осознаваемая критикой близость мировоззренческих и эстетических установок и художественной практики писателей (в том числе их драматургических опытов), и их место в современном литературном процессе — пограничное среди разных художественных направлений. Отметим и их феноменальную популярность у русского читателя, что очевидно из статистических данных книговыдач в российских библиотеках начала века. Причем Пшибышевский, чьих книг в период с 1908 по 1911 г. было переведено на русский язык более пятидесяти, едва ли не опережает по востребованности Андреева, находившегося в это время в зените славы.

Авторитетную пропаганду творчества обоих писателей, формирующую их родственность в читательском сознании, вели символистские журналы

«Весы» и «Золотое руно», для которых сближение западноевропейского и русского искусства было своего рода миссией. Кстати, первое сближение имен Пшибышевского и Андреева было предпринято именно на страницах «Весов»: это сделано К. Чуковским в статье «Пшибышевский о символе», написанной им после чтения польским писателем в Одессе 24 и 28 октября 1904 г. реферата «Новая драма и символизм» [2]. В Пшибышевском, воплощающем «трагедию обще-души», критик видит одного из выразителей устремлений к абсолютному, надвременному, наряду с Броунингом, Метерлинком, Гамсуном, Уитменом — и Андреевым, «пренебрегшим всеми бытовыми, временными, психическими наслоениями жизни на сущность человеческого я, и пытающимся воплотить в образах отвлеченные идеи, категории абстрагирующего мышления» [2, с. 37].

В 1906 г. «Весы» публикуют драму Пшибышевского «Вечная сказка» (1906), которая в том же году с большим успехом будет поставлена В. Мейерхольдом в театре В. Комиссаржевской, практически одновременно с другой его работой в этом театре — «Жизнью Человека» (1906) по пьесе Андреева. К этому времени Пшибышевский уже снискал шумный успех на европейской сцене — как автор драм о власти пола над человеком, о роковых страстях, изменах и самоубийствах: «Мать» (1903), «Снег» (1903), «Обручение» (1906) и др. На российской сцене Пшибышевский тоже преуспел — благодаря Комиссаржевской и, прежде всего, Мейерхольду, который в постановке «Снега» в Херсоне в 1903 году закладывает основы своего новаторского режиссерского метода.

Журнал «Золотое руно» (1906-1909) — другой авторитетный орган печати символистов, главный оппонент «Весов» и еще более амбициозная «площадка» для смотра наиболее интересных молодых литературных сил Европы. Уже в первом номере провозглашая в качестве источника искусства *душу* (центральное понятие в эстетике Пшибышевского, поэта «нагой души»), редакция обозначает близость своих установок художественным поискам Европы. Примечательно, что одна из пьес Пшибышевского — вполне в духе символистской образности и житнетворческого мифологизма, транслируемых со страниц журнала — называется «*Złote runo*» («Золотое руно», 1901).

За три года существования «Золотого руна» произведения Андреева и Пшибышевского не раз соседствуют на его страницах, причем с явным количественным перевесом последнего. Интересно, что знакомство русского читателя с теорией пола Пшибышевского, изложенной им в статье «К этике пола», осуществляется тоже на страницах этого журнала. Таким образом, имена Пшибышевского и Андреева попадают в общее смысловое поле, невольно сближаясь и в контексте дискуссии о «половом вопросе» [3]. Разъясняя свою теорию пола, Пшибышевский пишет о «половом инстинкте» как о дремлющем в каждом культурном человеке («*homo sapiens*», по названию его романа) звере — как тут российскому читателю было не вспомнить недавнюю шумиху вокруг «Бездны».

Творчество Андреева и Пшибышевского в критическом дискурсе начала века сопрягается в самых различных контекстах — от философского до психиатрического и психопатологического (Ф. Рыбаков, В. Львов). Приведем только одну, но очень знаменательную книгу, сближающую их в контексте «больного искусства»: «критико-психологический очерк о Л. Андрееве, Пшибышевском [в правописании автора так — Г. Б.] и др. современных писателях» под примечательным названием «Кошмары жизни» О. Кубе [4]. Обращает на себя внимание то, что автор, ориентируясь на «дух времени», а возможно, и не без конъюнктурных расчетов, выносит в заглавие своей книги только два имени «современных писателей» — Андреева и Пшибышевского.

Наконец, важным этапом в осмыслении творчества Пшибышевского стала статья А. Белого «Пророк безличия» (1909), представляющая собой интерпретацию творчества польского писателя с позиций символизма [5]. В основу этой статьи (впервые опубли.: Киевская мысль. 1909. № 133 (15 мая)) легла лекция «Современность и Пшибышевский», прочитанная им в марте 1909 г. в Киеве, а еще раньше, в ноябре 1908 г., в театре В. Комиссаржевской перед спектаклем по пьесе Пшибышевского «Вечная сказка». Фиксируя отсутствие у Пшибышевского связей между внешним и внутренним, то есть того, что составляет самую суть символа, Белый «отмежевывает» Пшибышевского от символистов [5; 13], как отказывает он (в статье «Анатэма») в праве называться символистом и «сентенционисту» Андрееву [5; 13].

Несомненно, читатель русских газет и журналов был в курсе всех приведенных нами высказываний и сопоставлений, а медийный дискурс активно впитывал авторитетные мнения и продолжал их развивать.

Драматургическая практика русского и польского писателей стала еще одной сферой сопряжения их имен в прессе, и тенденция ссылаться на Пшибышевского при анализе андреевских пьес была весьма устойчивой.

Так, одесский фельетонист, подписавшийся Гномом, усматривает в андреевской «Жизни Человека» явное влияние Пшибышевского [7]. По поводу пьесы Андреева «Анфиса» (1909) в «Обзрении театров» появляется рецензия с примечательным названием «Возврат к “полу”», автор которой констатирует обращение Андреева к «жгуче жизненной» «проблеме пола»: «над пьесой клубится пряный дух Пшибышевского» [8]. «Трагедию пола», «нечто из Станислава Пшибышевского» увидел в «Анфисе» и С. Глаголь [9]. Близость символично-мистических образов Бабушки в андреевской «Анфисе» и Мокриной в «Снеге» Пшибышевского подмечает В. Шмидт [10]. Наконец, Е. Колтоновская сопоставляет «Савву» (1906) с романом Пшибышевского «Дети Сатаны» (1899) [11].

В 1913-1914 годах, уже имея репутацию успешного драматурга, Андреев пишет два письма о театре [12] (запланированное третье так и не было написано), в которых делится своими мыслями о новой драме. Десятилетием раньше, чем Андреев, Пшибышевский тоже обнародовал свои идеи о театре будущего —

в программном эссе «О драме и сцене» (O dramacie i scenie) — сначала на польском языке в 1902 году, а два года спустя — в журнале «Театр и искусство» (1904. № 49-50) на русском. Во взглядах, изложенных в декларациях двух писателей, можно обнаружить много сходного — и в культе *души* на сцене, и в провозглашаемом обоими отказе от театра как зрелища, и в требовании убедительности игры. Вслед за Пшибышевским, отрицающим «туманные символы» и предлагающим вывести на сцену «живой символ» [13, с. 318] во плоти и крови, Андреев выражает сомнение в том, что символистские пьесы в духе Метерлинка способны быть психологически убедительными. «Нагая душа» Пшибышевского — некий прообраз андреевской «психе», исследование глубин которой должно, как считает автор писем о театре, стать единственным содержанием новой «синтетической драмы».

Вообще, панпсихизм, по Андрееву, вызрел уже в творчестве Чехова и в практике русского психологического романа (отсюда, по его мнению, обращение Художественного театра к постановке на сцене Достоевского). Романы Пшибышевского, безусловно, тоже были логически необходимым звеном в его собственной драматургической практике, тем более что типологически они чрезвычайно близки его же пьесам — и транслируемой философией, и мотивно-тематическим репертуаром, и типажам, и стереотипными ситуациями. В творчестве Андреева явным шагом в направлении межродового синтеза стали трагедии «Анатэма» (1909) и «Океан» (1911), крайне напоминающие «драмы для чтения» (Ledensdrama) — последняя первоначально даже имела жанровый подзаголовок «опыт романа-трагедии». Для обоих, как видим, не только на практике, но и на программном уровне граница между эпическим и драматическим весьма прозрачна.

Может показаться, что Андреев акцентирует внимание на *мысли* как на одном из главных героев драмы «панпсихе», в то время как Пшибышевский ее игнорирует и концентрируется исключительно на *душе*. Вероятно, формат эссе не позволял ему проговорить все обертоны теории «нагой души», но в романе «Сыны земли» (1906) Пшибышевский устами героя — Черкасского, который с триумфом ставит в Кракове свою пьесу и рефлексировал над своим успехом в беседе с приятелем Шарским — формулирует недостающее, требуя вывести на сцену *сердце и мозг* человека [14, с. 17, 18].

Заметим, что *душа* — ключевое понятие во многих эстетических декларациях новой драмы (и вообще нового искусства, если вспомнить метерлинковское «евангелие символизма «Сокровище смиренных» (Le Tresor des humbles (1896), эстетическое кредо журнала «Золотое руно»), расстающейся с культом идей на сцене. Очевидно, что Андреев, вслед за Пшибышевским, выстраивает свои положения о новом театре на этом ключевом для европейского модернизма концепте.

Подведем некоторые итоги.

Основой сближения имен Пшибышевского и Андреева в критическом дискурсе явилась близость их мировоззренческих и эстетических установок, во-

плотившихся в творчестве явно пограничной, «промежуточной» природы и схожем мотивно-тематическом репертуаре. Важную роль в создании ассоциативности двух имен для русского читателя сыграли «Весы» и «Золотое руно».

Во многом восприятие Андреева как «двойника Пшибышевского» (в том числе в драматургических опытах) носило характер поиска прецедентности в новациях русского писателя в европейском искусстве, знаковой фигурой которого воспринимался польский декадент. Пшибышевский, обладатель статуса культового автора в славянском культурном пространстве, пропагандист философии Ницше, экстатик и жизнетворец, как нельзя лучше подходил на эту роль. Андреев не мог не ориентироваться на своего предшественника: во-первых, тот ассоциировался с европейским искусством, во-вторых, все-таки являлся частью и российского / славянского культурного пространства тоже, а в-третьих, был близок русскому писателю и в стилевом, и в мировоззренческом планах. Заметим, что в этой частной истории одного влияния польское искусство не в первый раз явилась проводником европейских ценностей для русского культурного сознания.

Наконец, следует учесть и то обстоятельство, что у Пшибышевского и Андреева могли быть, помимо Ницше, и другие общие «учителя». А именно, П. Бурже, повлиявший на дискурс о декадансе в Германии [15] (Пшибышевский, начинавший как немецкоязычный писатель, не мог не знать его «Эссе о современной психологии» («Essais de Psychologie Contemporaine» (1883)) и на молодого Андреева (роман Бурже «Ученик» (1889), построенный на коллизии страстей, идей и экспериментирования, стал одним из метасюжетов в творчестве Андреева и отчасти «жизнетворческой практикой» [16].

Предпринятое сопоставление позволяет увидеть в творчестве двух писателей художественно-смысловые универсалии эпохи, обнаружить некую инвариантность линий развития драматургии на рубеже веков. Не вызывает сомнения чуткость обоих писателей к ритму культурно-исторического процесса, что позволило им предугадать и наметить в своих драматургических исканиях некие тенденции, связанные с новыми формами культурного синтеза в театре (в частности, синтеза эпического и драматического), с поворотом от «идейности», возвращенной позитивизмом, к исследованию души, глубин подсознания. Очевидно также, что практика сценической реализации драматургических новаций Пшибышевского и Андреева наталкивалась на одинаковые препятствия, связанные с инерционной театральной культурой того времени, и только в случае новаторского режиссерского подхода к их пьесам (Мейерхольд) возникал успех воплощения.

Если принять к сведению близость драматургических установок двух писателей, рецепция пьес Андреева современниками как навеянных опытом Пшибышевского предстает более понятной и внутренне мотивированной.

В заключение еще несколько замечаний. Творческое наследие Пшибышевского и Андреева постигла схожая судьба. Литературные репутации

обоих писателей можно описать как последовательную смену статусов: «модный / популярный автор», «вытесненный из актуального литературного сознания», «вновь вернувшийся к читателю». Очевидны актуализация драматургических новаций обоих писателей в наше время, возрождение интереса к их пьесам, о чем свидетельствуют их многочисленные современные переиздания и постановки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боева Г. Н. Станислав Пшибышевский и Леонид Андреев в свете русской прессы начала XX века // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. 2011. II. S. 319-328.
2. Чуковский К. Пшибышевский о символе: Письмо из Одессы // *Весы*. 1904. № 11. С. 33-37.
3. Пшибышевский С. Pro domo mea // С. Пшибышевский. ПСС. В 10 т. М.: Тип. В. М. Саблина, 1910. Т. 6. С. 31-41.
4. Кубе О. Кошмары жизни. Критически-психологический очерк о Л. Андрееве, Пшибышевском и др. совр. писателях. СПб.: Тип. А.С. Суворова, 1909. 76 с.
5. Белый А. Пророк безличия // Белый А. Собрание сочинений. В 9 т. М.: Изд-во «Республика», Изд-во «Дмитрий Сечин», 2012. Т. 8. С. 10-19.
6. Белый А. Анатэма // *Весы*. 1909. № 9. 103-106.
7. Гном. «Жизнь Человека» Леонида Андреева // *Новое обозрение*. Одесса. 1907. № 210 (1 апр.). С. 3.
8. Ал. Возврат к «полу» // *Обозрение театров*. 1909. № 867 (7 окт.). С. 8.
9. Глаголь С. Анфиса // *Утро России*. 1910. № 91 (27 янв.). С. 6.
10. Шмидт В. «Анфиса» Л. Андреева // *Бодрое слово*. 1909. № 24. Декабрь. С. 47-62.
11. Леонид Николаевич Андреев: Библиография. Вып. 2а: Аннотированный каталог рецензий Славянской библиотеки Хельсинкского университета / сост. М. В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 168 с.
12. Андреев Л. Письма о театре: Письмо первое // *Маски*. М., 1913. С. 3-14; Л. Н. Андреев. Собр. соч. В 6 т. М.: Худ. лит, 1996. Т. 6. С. 509-521; Письмо второе // *Литературно-художественные альманахи изд-ва «Шиповник»*. СПб., 1914. Кн. 22. С. 245-290; Л. Н. Андреев. Собр. соч. Т. 6. С. 521-558.
13. Пшибышевский С. О драме и сцене // Пшибышевский С. *Заупокойная месса: Проза, пьеса, эссе*. М.: Аграф, 2002. С. 303-320.
14. Пшибышевский С. Сыны земли // Пшибышевский С. ПСС: В 10 т. М.: Тип. В. М. Саблина, 1910. Т. 2. 191 с.
15. Хвостов Б. А. Литература декаданса в Германии (к современному состоянию проблемы) // *Новые российские гуманитарные исследования*. Электронно-периодическое издание ИМЛИ РАН. 2012. №7 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=446&binn_rubrik_pl_articles=196 (дата обращения: 13.10.2014).

16. Козьменко М. В. Писатель Поль Бурже и гимназист Леонид Андреев: (Круг чтения и парадигмы поведения и письма) // Новый филологический вестник. 2009. № 3 (10). С. 108-116.

REFERENCES

1. Boeva, G. N. Stanislaw Przybyszewski i Leonid Andreev v svete russkoj pressy nachala XX veka [Stanislaw Przybyszewski and Leonid Andreev in the light of the Russian press of the beginning of the twentieth century] // Przegląd Wschodnioeuropejski (East Europe review). Olsztynie: Varmino-Mazursky University Publ, 2011. Issue II. Pp. 319-328 (in Russian).
2. Chukovsky, K. Przybyszewski o simvole: Pis'mo iz Odessy [Przybyszewski on the symbol: The letter from Odessa]. Vesny (Scales). 1904. № 11. Pp. 33-37. (in Russian).
3. Przybyszewski, S. Pro domo mea [Pro domo mea] // Complete works in 10 vol. Moscow: V. M. Sablin's Publ, 1910. Vol. 6. Pp. 31-41. (in Russian).
4. Kube, O. Koshmary zhizni. Kriticheski-psihologicheskij ocherk o L. Andreeve, Pshebyshevskom i dr. sovr. pisateljah [Horrors of life: a critical and psychological sketch on L. Andreev, Przybyszewski and other Modern Writers]. Saint-Petersburg: A. S. Suvorov's Publ, 1910. 76 p. (in Russian).
5. Bely, A. Prorok bezlichija [The prophet of impersonality] // Complete works in 9 vol. Moscow: Respublika, Dmitrij Sechin Publ, 2012. Vol. 8. Pp. 10-19. (in Russian).
6. Bely, A. Anatema (The Anathema) // Vesny (Scales). 1909. № 9. Pp. 103-106. (in Russian).
7. Gnom. «Zhizn' Cheloveka» Leonida Andreeva (L. Andreev's «Life of a Man») // Novoe obozrenie (New review). Odessa. 1907. № 210 (1 apr.). P. 3. (in Russian).
8. Al. Vozvrat k «polu» [Return to «Sex»] // Obozrenie teatrov (Review of theatres). 1909. № 867 (7 Oct.). P. 8. (in Russian).
9. Glagol, S. «Anfisa» // Utro Rossii (Morning of Russia). 1910. № 91 (27 Jan.). P. 6. (in Russian).
10. Shmidt, V. «Anfisa» L. Andreeva [L. Andreev's «Anfisa»] // Bodroe slovo (Vigorous word). 1909. № 24 (Dec.). Pp. 47-62. (in Russian).
11. Leonid Nikolaevich Andreev: Bibliografija. Vyp. 2a: Annotirovannyj katalog recenzij Slavjanskoj biblioteki Hel'sinskogo universiteta [Leonid Nikolaevich Andreev: Bibliography. Issue 2a: The Annotated Catalogue of Reviews of Slavic Library of the Helsinki University] /col. by M. V. Kozmenko. Moscow: The Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2002. 168 p. (in Russian).
12. Andreev, L. Pis'ma o teatre: Pis'mo pervoe [Letters on theatre: Letter the first] // Maski (Masks). Moscow, 1913. P. 3-14; L. N. Andreev. Complete works in 6 vol. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1996. Vol. 6. Pp. 509-521 (in Russian); Pis'mo vtoroe [Letter the second]. Literaturno-hudozhestvennyye al'manahi izd-va «Shipovnik» (Literary and Art Almanacs of Publishing House «Wild Rose»). Saint-Petersburg, 1914. Book 22. Pp. 245-290; L. N. Andreev. Complete Works in 6 vol. Vol. 6. Pp. 521-558. (in Russian).

13. Przybyszewski, S. O drame i scene [On drama and scene] // *Zaupokojnaja messa* (Requiem mass): Prose, play, essays. Moscow: Agraf, 2002. Pp. 303-320. (in Russian).
14. Przybyszewski, S. Syny zemli [Sons of the Earth] // Complete works in 10 vol. T. 2. Moscow: V. M. Sablin's Publ, 1910. Vol. 6. 191 p. (in Russian).
15. Hvostov, B. A. Literatura dekadansa v Germanii (k sovremennomu sostojaniju problemy) [Decadence Literatura in Germany (To a Modern State of a Problem)] // *Novye rossijskie gumanitarnye issledovanija*. Elektronno-periodicheskoe izdanie IMLIRAN (New Russian humanitarian research. Electronic periodical of the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences). 2012. № 7. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=446&binn_rubrik_pl_articles=196 (date of access: 13.10.2014). (in Russian).
16. Kozmenko, M. V. Pisatel' Pol' Burzhe i gimnazist Leonid Andreev (Krug chtenija i paradigmy povedenija i pis'ma) [The writer Paul Bourge and the Grammar-school Boy Leonid Andreev (The Circle of Reading and Paradigms of Behavior and Letter)] // *Novyj filologicheskij vestnik* (New philological messenger). 2009. № 3 (10). Pp. 108-116. (in Russian).

Автор публикации

Галина Николаевна Боева — доцент кафедры культурологии и общегуманитарных дисциплин Невского института языка и культуры, кандидат филологических наук

Author of the publication

Galina N. Boeva — Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Cultural Science and All-Humanitarian Disciplines, Nevsky Institute of Language and Culture